

УДК:
821.163.41.09 Andrić I.:323.1

Оригинални
научни рад

ПОЛИТИЧКА РЕВИЈА
POLITICAL REVIEW
Година (XXIV) XI, vol=33
Бр. 3 / 2012.
стр. 375-390.

Анна Наумова*

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВО АНДРИЧА

Резюме

Предпринята попытка осмыслить комплекс вопросов, касающихся национального и вероисповедного самоопределения Иво Андрича, а также системы его воззрений на этнические и конфессиональные коллизии, отразившиеся в его произведениях – прежде всего, в романе «Мост на Дрине». Предлагается своеобразный взгляд «со стороны», так как автор данной публикации – белоруска, причем представительница молодого поколения, которое сформировалось после развала и СФРЮ, и СССР.

Ключевые слова: Андрич, Босния, мусульмане, христиане, сербы, турки, хорваты, этноконфессиональные ориентиры, Югославия

Иво Андрич – писатель Югославии, распавшейся на «суверенные» республики, которые стремятся утвердить «особость» своей культуры и литературы. Поэтому на вопрос, литературе какого из народов бывшей СФРЮ принадлежит творчество Иво Андрича, даются различные ответы. Сербы, как правило, считают, что он сербский писатель, хорваты – что хорватский, а боснийцы, соответственно, что боснийский... Впрочем, последние даже, наоборот, отказываются от Андрича как представителя их национальной литературы. Так вот, чтобы уяснить, к достоянию какого народа более всего относится его творческое наследие, мы и попытаемся рассмотреть особо существенные, на наш взгляд, моменты.

* Автор – студентка сербистики Белорусского государственного университета. Работа выполнена под научным руководством иностранного члена САНУ доктора филологии профессора Ивана А. Чароты

1

Если брать творческое наследие Иво Андрича в совокупности, нельзя не заметить, что тематика его произведений преимущественно боснийская. Однако при этом современные боснийские критики находят много причин для того, чтобы его как боснийского писателя все-таки отвергать. Прежде всего придираются к «мифологичности» адричевских произведений, которая служит якобы идее «великосербскости». Действительно, творчество писателя – зеркало его воззрений. И на основании многих произведений Андрича можно говорить, что он мифологизировал сербскую духовную традицию, а также «демифологизировал» чисто боснийские народные образы [см.: 23, с. 230].

В первую очередь это касается Алии Джержелеза – боснийского героя, о котором издавна ходило много легенд, а есть данные о нем и как о реальной исторической личности – *Герз-Ельас* [см.: 18, с. 127-131]. Однако в рассказе Иво Андрича «Путь Алии Джержелеза» этот образ представляется иначе. Автор как бы нарочно принижает его: из всенародно почитаемого героя Алиа Джержелез превращается в предмет насмешек, носителя низменных страстей. Подобно Андрич обходится и с образами братьев Моричей, о которых также слагались предания и песни.

Под пером Андрича эти герои приобретают совсем иные характеристики. Осмелиться на такое, по мнению некоторых боснийцев, – значит пренебречь традициями народа.

Однако Миролоуб Евтич в своей работе «*Ислам у делу Иве Андрића*»/ «*Ислам в произведениях Иво Андрича*» убедительно доказывает, что расценивать демифологизацию таких персонажей как антимусульманскую тенденцию бессмысленно [см.: 15, с. 11-12]. Подобная трансформация образов характерна для художественной литературы изначально, и вовсе не может интерпретироваться как нечто негативное.

Так, в знаменитом романе Иво Андрича «Мост на Дрине» представители разных традиций по-разному относятся к тем или иным событиям, но они объединяются при общих бедствиях, пережить которые легче вместе.

Хотя действие романа происходит в Боснии, на территории, занятой турками, в центре внимания все равно остается сербское

население – писатель прослеживает трудности жизни христиан во времена турецкого (мусульманского) рабства. Чего стоит один образ попа Николы («Ни до и ни после него в разных сословиях и религиозных общинах не было человека, более уважаемого и авторитетного среди жителей города, независимо от вероисповедания, пола и возраста, чем этот поп, издавна прозванный «дедом». Для всего города и всей округи дед – живое олицетворение сербской Церкви и всего того, что народ считает христианством») [2, с. 487].

А свое отношение к национальному многообразию Балкан автор романа однозначно определяет местоимением *наше*: «Наши женщины верят, что раз в году ночью с неба падает на холм сноп яркого света...» [2, с. 388].

Существует мнение, что Андрич в своих романах и рассказах выступал как ненавистник всего турецкого, исламского, как противник славян-мусульман. Именно за это в Боснии сегодня ему выносят суровый приговор. Однако нельзя не согласиться с Д. Елчи-чем, указывающим на различие между тем, что Андрич говорит о турках, а что о славянах-мусульманах: у него турки – насильники и убийцы, а боснийские мусульмане – «крайя», вместе с христианами терпящая унижения со стороны турок.

Этнические и религиозные ориентиры Андрича отчетливо просматриваются в его тексте «Взгляд на Сараево» из сборника «Человеку и человечеству». И здесь мы снова обращаем внимание на притяжательное местоимение, которое свидетельствует об этническом самоопределении автора: «В возвышении города важную роль играли люди *нашей* крови и *нашего* языка, принявшие ислам и достигшие высоких военных и административных постов в империи османов...» [4, с. 159]

Андрич подчеркивает многоконфессиональность этого края, а в то же время его ориентальный характер. Европеизация, христианизация, связанные с включением этих территорий в состав Австро-Венгрии, – начало заката цветущего города Сараево. После этого жители *всех его вероисповеданий* разбегаются.

Когда Андрич описывает мусульманские кладбища Сараева, он говорит, что турки хоронят покойников красивее, чем *«мы»*. И здесь налицо явная симпатия Андрича к многоконфессиональному городу «со своими старыми и новыми церквями, синагогами и многочисленными мечетями», к его восточному колориту [4, с. 161].

Одно из объективных свидетельств – язык Андрича, использовавшего «экавский» вариант общего литературного языка, избегавшего хорватизмов и диалектной лексики. Обычно делается вывод, что это утверждает его как писателя сербского. Однако и на этот довод можно найти возражения. Почему же тогда не назвать сербским писателем А. Г. Матоша, который тоже употреблял исконно сербские слова, давно исключенные из хорватской литературной нормы? А разве и в произведениях М. Крлежи нет таких слов? Однако то, что Матош и Крлежа являются хорватскими писателями, ни у кого не вызывает вопросов.

Абстрагируясь от конкретных произведений, обратим внимание на стиль Андрича, корнями уходящий не только в сербскую традицию. По мнению Д. Елчича, реализм Иво Андрича ни в коем случае не сербский, хотя и не хорватский. В нем явны элементы итальянской и других западноевропейских литератур, для сербской литературы не свойственные. Его стиль ближе западноевропейскому и, соответственно, культуре хорватской [см.: 26, с. 290].

2

Кроме отмеченного, важно также учитывать влияние фольклорной и мифологической традиций. Анализируя первые десять глав романа «Мост на Дрине», постараемся выделить основные образы и мотивы, которые позволяют говорить о связи андричевской прозы с фольклором и мифологическими представлениями конкретного народа.

Остановим внимание на выделяющихся из сюжета романа легендах. Минувшие исторические события и участники их поэтизируются в сознании народа, превращаются в легенды. Более всего это проявляется у сербов – *«песничког народа»* – которые особо расположены к мифотворчеству и песнетворчеству. Это они сложили яркие предания о русалке, хозяйке реки, о замурованных в средние опоры моста младенцах Стое и Остое, о Черном Арапе.

Но неизбежным является противопоставление христианского и мусульманского народного мироотражения: отпечаток копыт гигантского коня – это, по мнению сербских детей, следы Шарца, волшебного коня Королевича Марко; турецкие же дети утверждают, что здесь «промчался на своей крылатой арабской кобыле сам Джержезелз Алия» [2, с. 387]. Нет единства между христианами и

турками также в том, что представляет собой земляной холм – своеобразный рубеж в играх ребят у моста.

Упомянутые легенды несут печать многовекового смешения традиций Запада и Востока.

Особое значение имеет образ моста, присутствующий даже в заглавии романа и раскрывающийся изначально через мифологию и фольклор. Его связывают с образами лестницы, башни, маяка и символически обозначают ту красоту, что «может преобразить и спасти мир». Некоторые исследователи полагают, что образ моста у Иво Андрича связан с притчей Корана о мосте [см.: 22, с. 32], который пытались разрушить неправедные люди, и с мусульманскими представлениями о переходе души в рай по мосту тоньше человеческого волоса и острия меча. Роль камня как материала в романе также связана с мифологическими представлениями. В каменных сооружениях воплощена мечта о вечности, которая недоступна человеку, но к которой он подсознательно стремится.

Отразились в романе и следы верований в силу слова. На «славах», рождественских праздниках или в рамазанские ночи вышеградские старики собирались вместе, чтобы вспомнить события минувших лет, особенно самые трудные из них: «...Они загораются от собственных слов, глушат нынешние мелкие заботы воспоминаниями о тех, гораздо более серьезных, давно и успешно ими изжитых» [2, с. 441]. Несчастья, перед лицом которых оказывались люди, в том числе и страшные паводки, проявления необузданной природной стихии, тем самым также превращаются в предание, в котором, как считает Петар Джаджич, и сама смерть, – лишь легенда [см.: 24, с. 26].

Строительная жертва – один из самых ярких элементов, свидетельствующих о мифологическом происхождении отдельных мотивов романа. У многих народов мира широко распространены предания о людях, которые были заживо замурованы в фундаментах или стенах разных построек. Этнографы объясняют этот обычай следующим образом: замурованный человек служит жертвой духам земли, «арендной платой» за взятую у этих духов территорию, а в то же время душа замурованного человека делается духом-охранителем данного здания. Первоначально это было связано с деревянными постройками. С деревьями же у людей тогда были особые отношения, ибо деревья считались тотемами. За нарушение строителями здания этой неприкосновенности деревья-тотемы

мстили людям, лишая жизни строителя или первого обитателя дома. Чтобы предупредить такую неприятную перспективу, строители заранее подставляли мстящим деревьям человеческую жертву, и этим «обманывали» тотема.

Строительной жертвой в различных странах света были дети. Интересен тот факт, что древнерусское и болгарское именование городского кремля, т. е. внутренней крепости, словом «детинец» связывают с обычаем замуровывать детей при основании крепостных стен. Но у нас нет достаточных данных для такого объяснения, тем более, что, по легендам славянских народов, замуровывали в новостройках не детей, а молодых женщин. Сербские представления о строительной жертве отражены в народной песне «Постройка Скадра» [см.: 11, с. 145-175].

В романе «Мост на Дрине» один из показательных примеров строительной жертвы – смерть чернокожего Арапа, которую автор называет «одним из тех несчастий, без которых редко обходятся большие строительства» [2, с. 429].

Принесенными в жертву оказываются также младенцы Стоя и Остоя. Как своего рода строительная жертва воспринимается и казнь Радисава. Таким образом осуществляется установление связи с «сакральным временем», сакральным пластом сознания. Дьявольскими кажутся подробности его казни, которой была открыта эпоха бесконечных смертей на мосту, а головы попа Михайлы, невинного Миле и старца Елисии, насаженные на колья, представляют символы кровавого века.

Как будто из античных мифов заимствована Андричем внешность паромщика Ямака, перевозившего мальчиков, забранных в войско янычар; мифологичен и пейзаж в романе: к примеру, «мутная Дрина, оглашаемая карканьем ворон», «пустынный берег», а также неотделимый от этой панорамы «громоздкий, источенный червями паром» напоминают эпизод из «Божественной комедии», когда Данте вступает на берег Чистилища.

А еще позволим себе сравнить мост на реке Дрине с мифологическим «Древом жизни», которое занимает особое место в модели мира у многих народов. С ним сочетаются образы орла (на верхушке) и змея (у корней). Так вот, обратим внимание, что в романе Андрича представлена караульная вышка на мосту, «дощатая нашлапка, напоминающая гигантскую безобразную птицу», которая «венчала» ворота на мосту. А функции змея здесь выполняет тот

самый Арапин, судьба которого была решена «слепым жребием», «павшим» на него каменной плитой. Но образ змея появляется также при описании моста: «Из ограды внизу под плитой бьет тонкая струя воды, испускаемая пастью каменного змея» [2, с. 385].

Определяя специфику хронотопа андричевской прозы, нельзя не заметить его фольклорно-мифологической природы [см.: 7, с. 15]. Время в романе Иво Андрича занимает особое место. Некоторые исследователи указывают, что оно выступает как отдельный герой в произведении [см.: 17, с. 84].

В целом можно считать, что «Мост на Дрине» содержит в себе мудрость народа, представленную в романе как на уровне предложений, так и посредством глобальных идей, пронизывающих содержание романа.

3

«Национальное» так или иначе связано с «религиозным». И мы, соответственно, попытаемся конкретизировать, насколько значима религиозная составляющая в творчестве Иво Андрича. Он, как известно, при рождении крещен в католичество. Тем не менее, исходя из творчества, мы обнаруживаем, что его сознание по преимуществу атеистическое. Андрич в равной степени толерантен по отношению к представителям всех конфессий, которые являются героями его произведений. Однако на некоторых этапах жизни и творчества писателя все же можно заметить элементы религиозности.

Художественной философией молодого Андрича считается трагический теизм, наиболее адекватно отвечающий исканиям лирического героя. Как обоснованно заметила О. Батаева, «в прозе проблема веры или вероисповедания сохраняется во многих произведениях, но имеет скорее социально-прагматический, нежели мировоззренческий характер. Иными словами, не религия является основой нравственных взглядов и эстетического отношения человека к действительности, не во взаимоотношениях человека и Бога необходимо искать решения человеческих проблем и трагедий. Художественную философию писателя теперь можно определить как мифологическую. Религия, по Андричу этого периода, не может ни обуздать человеческие страсти, ни облегчить страдания. Мифология также не может объяснить причин возникнове-

ния страстей и страданий, но она и не обязана этого делать, ибо ее главная задача – постулировать их изначальное существование» [8, с. 10]. Поэтому образы малой прозы Андрича проецируются на мифологическую (и частично библейскую) основу: Мустафа Мадьяр – Каин, Алия Джержелез – Одиссей, Михаило – Орест, Кристиница – Клеменестра, Аника – Елена, Лилит, Вавилонская блудница [см.: 8, с. 10].

В творчестве Андрича, пожалуй, всегда сочеталось несколько мировоззренческих позиций, систем ценностей, ярким примером чего может служить его рассказ «Путь Алии Джержелеза». В этом произведении совмещаются «ориентальный фатализм, христианское учение о первородном грехе, экзистенциальная философия одиночества и уязвимости человека, элементы психоанализа» [10, с. 1074] (Здесь и далее перевод наш – А.Н).

Кстати, в этом произведении некоторые боснийские исследователи видят четкую религиозную позицию писателя: Андрич якобы не просто враждебен по отношению к самому герою; он не принимает жизнь, дух, культуру Боснии и сам *ислам* (!) [см.: 23, с. 232-233].

Интересное признание самого автора мы находим в его «Ликах» (сборник «Человеку и человечеству»). Там герой, размышляя, неожиданно признается: «*Рожденный с душой иконоборца*, всегда воспринимая лики как нечто противное смыслу и духу нашей жизни, следовательно, грешное и непозволимое, я в то же время люблю их глубоко и неизлечимо. Эта любовь к изваянному или изображенному кистью лику живет во мне рядом с *врожденной страстью иконоборца*. <...> В этот момент и в этом месте во мне побеждает поклонник ликов, может быть именно потому, что я вижу взором и ощущаю пальцами их хрупкость и преходящность» [4, с. 257] И можно предположить, что всю жизнь в сердце писателя так же боролся иконоборец и поклонник ликов, хотя, возможно, и не в буквальном смысле. Что победило в его сердце, к каким выводам пришел он в конце жизни и что смог ответить перед Божественным престолом, мы можем только догадываться.

Интересно, что один текст Иво Андрича включен в «Антологию сербских молитв XIII – XX вв» Ёвана Пейчича [см.: 5]. Это выдержки из его «ЕхРонто», первой книги стихотворений в прозе. В приведенных строках лирический герой обращается к Богу – как Тому, Кто знает все об этом мире – интересуясь, почему Господь

наделил его сердцем, которое постоянно влекут дальние дороги, неизведанные красоты. Он мучится из-за своей тяги к роскоши, к наслаждению, вечным изменениям в жизни, и в отчаянии обращается к Богу, обнажая свою колеблющуюся душу. Может, это поможет герою справиться со всеми жизненными противоречиями, перипетиями?

Стремление к Богу для него – это стремление к устойчивому положению, к стабильности, которой, впрочем, и не существует, ибо, по Андричу, движение вечно, а поиск и колебания неизбежны. Человек в своей жизни постоянно ищет Бога, находит и одновременно теряет. Поэтому Бог занимает центральное место в андричевском «Ех Ронто», и это закономерно, т.к. эти стихотворения в прозе посвящены проблемам бытия, человека, его места в мире и во Вселенной.

На основании всего этого героя Андрича можно сравнить со святым Августином, который считал, что сомнения и внутренние противоречия, касающиеся веры в Бога, не просто не греховны, но и, более того, полезны в духовном совершенствовании, приближении к божественной Истине.

4

При всем указанном определяющее значение имеет то, как этноконфессиональные ориентиры воспринимаются «извне», с позиций разделившихся литератур СФРЮ.

В сербской литературной критике отношение к Андричу, как правило, положительное: его считают сербским писателем, гордостью нации. А вот со стороны хорватов и боснийцев это не так.

В целом, хорватские критики называть Иво Андрича «своим» не стремятся. Андрича сейчас не включают даже в самые крупные антологии хорватской поэзии, хотя известно, что его первые стихотворения увидели свет именно в Хорватии. Некоторые особенности восприятия этого писателя заданы и следующим: Иосиф Броз Тито, хорват по национальности, в свое время считал, что присуждение Нобелевской премии Андричу – несправедливость по отношению к *хорвату* Крлеже.

Иван Ловренович, боснийский журналист и писатель, рожденный в Хорватии, объясняет это спецификой хорватской литературы, а именно – трудностями с идентификацией собственных цен-

ностей, приводящими к тому, что возникают проблемы интеграции внутренней. Отрекаясь от части своего наследия, хорваты демонстрируют неуверенность относительно того, что им принадлежит, а что не принадлежит.

Собственно, творчество Иво Андрича было вычеркнуто из достояния хорватской литературы по причинам, не имеющим никакого отношения собственно к искусству. То, что он жил в Белграде, писал на «экавице», держался позиций югославянского единства, отказался от включения своих стихов в хорватскую антологию – все это обстоятельства исключительно исторического, политического, социального, гражданственно-морального характера. И они мало говорят о национальной природе его творчества, о духовных основах, на которых формировалось миропонимание [27, с. 207-208].

С другой стороны, можно наблюдать и то, как новый геополитический «порядок» в Европе, а также обусловленное им утверждение независимого Хорватского государства, собственной культуры приводят к тому, что Андрича опять начинают воспринимать как своего писателя.

Боснийские литературоведы писали и пишут об Андриче достаточно много – по преимуществу под тем углом зрения, что на мнения боснийцев о писателе якобы влияет его личная позиция по отношению к турецкому этапу боснийской истории, отчетливо выразившаяся в определениях типа «пятывековое «наводнение», «разделяющая стена», «груз, ощущающийся и в далеком будущем» и «приводящий к разрушению обычаев и деградации во всех отношениях»... Естественно, это вызывает недовольство нынешних боснийских идеологов [см.: 20, с. 178]. Критике подвергаются и определенные мотивы творчества Андрича – к примеру, детальное описание насилий турок над боснийскими сербами. Причем на основании этого делаются следующие выводы: коль Андрич критиковал последствия турецкой власти в Боснии, то значит, и исламскую культуру. Хотя логики здесь мало: критика власти Османской империи – это лишь критика тех последствий, которые имели место в Боснии в результате наложения исламской культуры на исконно христианское сознание боснийцев.

По мнению обличительно настроенных боснийцев, воплощение идей Андрича – в современной истории Боснии, в гражданской войне: «На Иво Андриче, именно из-за его произведений, лежит

большая ответственность, может, даже еще большая, чем на самих реализаторах проекта «Великая Сербия»... Был бы он жив, мы бы, вероятно, констатировали его ответственность за преступления в Боснии, за все ужасы которые выпали на долю боснийского народа...» [23, с. 223]. А в подобных объяснениях логичен и такой поворот: Нобелевской премией общественность «отметила» заслуги этого писателя в распространении и утверждении страшной идеологии. Печально, что неприятие Андрича доходило и до того, что на одном из съездов, посвященном его творчеству, поднимался вопрос переименования улицы, названной в его честь в городе Тузла [см.: 23, с. 222].

Почему же боснийцы, именно «*муслимани*», или славяне-мусульмане, так болезненно воспринимают Андрича и его идеи? Один из исследователей, Н. Ибрахимович, утверждает: так на некоторые уровни сознания жителей повлияли ужасы боснийской действительности – и «паническая, самоуничтожающая, безысходная активность этих уровней сознания» вызывает подобное по отношению к творчеству Андрича [см.: 23, с. 225].

Нельзя отрицать, что все эти литературные взгляды тесно связаны с идеологией, а значит, и с политикой. В последнее время произведения Андрича стали рассматривать как мощное оружие идеологии евроцентризма, провозглашающей превосходство европейских народов над другими. Соответственно, ориенталистика в её западной реализации представляет собой, по словам Э. Дураковича, мирную альтернативу крестовым походам [см.: 25, с. 245-248]. Идеология евроцентризма может влиять на сознание масс посредством искусства. Из-за этого негативно настроенные против Андрича боснийцы в его произведениях видят большую опасность.

Идут дискуссии о том, насколько хорошо Иво Андрич знал боснийскую историю, специфику духовной жизни этого региона. Писателя обвиняют в том, что он был недостаточно компетентен в вопросах ислама, и поэтому моделируемая им художественная реальность не совпадала с тем, что мусульмане ожидали увидеть. Тем не менее, это утверждение представляется нам ложным. Во всяком случае, Миролуб Евтич, убедительно доказывает, что Андрич в вопросах исламской культуры имел отличные познания [см.: 15].

Высокая оценка творчества того или иного писателя – залог изучения его произведений в школьной программе. У детей школьного возраста нет сложившегося подхода; следовательно, они впитывают все, что авторитетными людьми представляется ценным. Детям, да и большинству взрослых неподготовленных читателей, трудно найти границу между искусством и реальностью. Так что принудительная идеологизация оставляет неизгладимый след в сознании.

Хорошо изучив механизмы, присущие мусульманскому обществу, Иво Андрич смог по-своему предсказать те события, которые произошли уже после его смерти. Миролуб Евтич на основе догматики ислама доказывает, что эта религия буквально не может существовать вне мусульманского государства. Тесную связь жизни верующего с государством можно проследить на примере того, как Али-ходжа (герой романа «Мост на Дрине») реагировал на смену власти. А ведь это тесно соотносится с произошедшим в сознании боснийцев к концу XX века [см.: 15, с. 47]. Предчувствие грядущих событий прослеживается и в рассказе «Письмо 1920 года»...

Имеют ли право боснийцы обвинять писателя, посвятившего их родине значительную часть своего творчества, в том, что он спровоцировал все беды этой земли? Не лучше ли признать, что Иво Андрич просто оказался дальновиднее их и смог увидеть то ключевое, специфическое, что предопределило дальнейший ход развития событий? Скорее всего, проблема всего лишь в том, что писатель думал не так, как думают они, и это вызывает неодобрение.

Показательно, что отношение к этому писателю начинало меняться параллельно с развитием событий в стране. Иллюстрацией этого может служить симпозиум, посвященный его творчеству в 1992 году (Бамберг, Германия). На нем поднимались различные вопросы. В том числе и проблема сербского национализма в Косово – вернее, то, как Андрич в своей диссертации изложил основные положения этого национализма. И он в докладе Елизабет фон Эрдман-Панчич предстает одним из агрессивно настроенных сербов, движимых идеями ненависти к соседним народам [см.: 9, с. 213-214]. Впрочем, на симпозиуме звучали и доклады о том, что Андрич призывал к терпимости и толерантности, исследовал вопросы власти, которые так или иначе перекликаются с трагическими событиями того времени [см.: 9].

Проходят годы. Постепенно ситуация в стране «успокаивается». Но сглаживаются ли противоречия в восприятии Андрича славянами-мусульманами?

5

Иво Андрич, писатель, живший и творивший в эпоху государства Югославии, пожалуй, так навсегда и останется югославским писателем. Даже несмотря на то, что политическая карта мира давно обходится без этого названия. Ушел в историю и тот период, когда представители государств-наследниц Федеративной Республики Югославия пытались доказать, что именно их литературная традиция вскормила будущего гения. Но стоит ли «делить» Андрича, если он сам в свое время этого не сделал?

Для произведений Иво Андрича характерно стремление осмыслить современность в свете истории, судьбу человека в вечных категориях, опираясь на древние представления, мифы, притчи, легенды не на как вспомогательные средства, а как важнейшую основу художественной картины мира. Да, он художественно исследовал, как сочетаются мировоззрения двух цивилизаций – западной и восточной, причем восток тоже дифференцировал.

С национальным у него тесно связано религиозное. Сознание самого Андрича скорее атеистично, хотя на некоторых этапах у него появлялся и образ Бога, стихотворения в форме молитвы, аллюзии на христианское учение и др., что может характеризовать его как религиозного человека. Но это, на наш взгляд, всего лишь поиски. Отношение к религиям у Андрича, католика по крещению, довольно ровное, поскольку для него вера – один из этнических признаков.

Жизнь Иво Андрича была связана и с Боснией, и с Хорватией, и с Сербией.

Критики бывших республик СФРЮ в зависимости от главенствующей идеологии могут его или обвинять во всех смертных грехах, или наоборот, возносить в ранг героя. Но всё это свидетельствует лишь о колоссальной силе творчества, благодаря которой Андрич «продвигает» свою идеологию.

Как квинтэссенцию всех изученных нами мнений хотелось бы представить позицию Манфреда Енихена, немецкого исследователя, рассматривавшего Андрича как «хорвата из Боснии, который

стал сербским писателем» [9, с. 214]. Даже в результате самого тщательного анализа и долгих дискуссий трудно решить за писателя, кто он по национальности, в какого Бога верит. Пожалуй, стоит прислушаться к тому, что сказал сам Иво Андрич, когда его однажды спросили, серб он или хорват: «Называйте меня, как хотите, только не «делите» [26, с. 291].

Ana Naumova

THE ETHNICAL-RELIGIOUS LANDMARKS IN THE WORK OF IVO ANDRIC

Summary

This paper is an attempt to address the wide range of questions, concerning national and religious self-determination of Ivo Andric and his views regarding ethnical and religious conflicts, which have been reflected in his works, primarily in the novel "The bridge on the Drina". This undertaking represents comprehensive "side view", having in mind that the author is from Belarus and at the same time member of younger generation, formed after the collapse of the USSR and former Yugoslavia.

Keywords: *Andric, Bosnia, muslims, christians, Serbs, Turks, Croats, ethnical-religious landmarks, Yugoslavia*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1. Андрич, И. *Собрание сочинений: в 3-х т.*, Художественная литература, Москва, 1984.
- 2. Андрич, И. *Травницкая хроника. Мост на Дрине. [Ист. романы]*, пер. с серб.-хорв., Художественная литература, Москва, 1974, 686 стр.
- 3. Андрич, И. *Проклятый двор: Повести и рассказы*, пер. с сербско-хорват., [предисл. Е. Книпович], Художественная литература, Москва, 1967, 547 стр.
- 4. Андрич, И. *Человеку и человечеству: [Ст., рецензии, эссе и очерки. Переводы]*, Радуга, Москва, 1983, 507 стр.
- 5. *Антологија српских молитава: (XIII – XX в.)*, приредио Јован Пејчић, Драслар партнер, Београд, 2005, 322 стр.
- 6. *Антологија српских похвала: (XIII – XX в.)*, приредио Јован Пејчић, Драслар партнер, Београд, 2006, 520 стр.
- 7. «Балкански Гамэр ХХ стагоддзя», *Славянскія літаратуры, Постаці (II)*, *Зборнік артыкулаў*, РІВШ БДУ, Мінск, 2003, стр. 3-23.
- 8. Батаева О.В. *Концепция человека в творчестве Иво Андрича*, СПбГУ, СПб., 1999.

- 9. Глишовић Д. «Симпозиум о Андрићу за време санкција 1992 године», *Свеске Задужбине Иве Андрића*, 13, Задужбина Иве Андрића, Београд, 1997, стр. 212-218.
- 10. Деретић Ј. *Историја српске књижевности*, 4. проширено изд., Просвета, Београд, 2004, 1247 стр.
- 11. Зеленин Д. К. *Избранные труды: статьи по духовной культуре, 1934-1954*, Индрик, Москва, 2004, 366 стр.
- 12. *Иво Андрич. Биобиблиографический указатель*, Книга, Москва, 1974, 125 стр.
- 13. *Историјски роман: зборник радова*, уредник Миодраг Матицки, Институт за књижевност и уметност, Београд, Институт за књижевност, Сарајево, 1992, 500 стр.
- 14. *История литератур западных и южных славян: В 3 т.*, ред. совет Л.Н. Будагова и др., редкол. Л.Н. Будагова (отв. ред.) и др., Индрик, Москва, 2001, 3 т., 992 стр.
- 15. Јевтић М. *Ислам у делу Иве Андрића*, Просвета Интернационал, Београд, 2000, 321 стр.
- 16. Карасева М. Л. *Малая проза Иво Андрича*, автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук, Рос. АН, Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького, Москва, 1994.
- 17. Кириллова О.Л. *Между мифом и игрой: О поэтике Андрича*, РАН, Ин-т славяноведения и балканистики, Москва, 1992, 122 стр.
- 18. «Легенде из старог Сарајева», приредио Влајко Палавестра, *Свеске Задужбине Иве Андрића*, 16, Задужбина Иве Андрића, Београд, 2002, стр. 99-158.
- 19. Поповић Г. *Иво Андрић. Библиографија дела, превода и литературе*, Научно дело, Београд, 1974.
- 20. Радић П. «Нобеловац Иво Андрић – књижевна поетика, нација, језик: Културолошки и социолингвистички аспект», *Свеске Задужбине Иве Андрића*, 24, Задужбина Иве Андрића, Београд, 2007, стр. 176-209.
- 21. Самуйлов С.М. *Межнациональные кризисы в Европе: роль Запада и политика России (цивилизационный подход)*, Российский научный фонд, Москва, 1994, стр. 42-78.
- 22. *Творчество Иво Андрича. Миф, фольклор, история, литература: Симпозиум к 100-летию со дня рождения писателя. Тезисы и материалы*, РАН, Ин-т славяноведения и балканистики, Научный центр общеславянских исследований, Москва, 1992, 112 стр.
- 23. Тутњевић С. «Андрић и муслимани (О једном виду рецепције дјела Иве Андрића)», *Свеске Задужбине Иве Андрића*, 19, Задужбина Иве Андрића, Београд, 2002, стр. 221-236.
- 24. Џацић П. *Иво Андрић – човек, дело*, Просвета, Ниш, 1993, 137 стр.

- 25. Duraković E. „Andrićevo djelo u tokovima ideologije evrocentrizma», *Sveske Zaduzbine Ive Andrića*, 15, Zaduzbina Ive Andrića, Beograd, 1999, стр. 245-257.
- 26. Jelčić D. „Andrićeve hrvatske teme i Andrić kao hrvatska tema“, *Sveske Zaduzbine Ive Andrića*, 16, Zaduzbina Ive Andrića, Beograd, 2002, стр. 227-292.
- 27. Lovrenović I., „Mjesto Ive Andrića u hrvatskoj književnosti“, *Sveske Zaduzbine Ive Andrića*, 11, Zaduzbina Ive Andrića, Beograd, 1995, стр. 205-215.

Овај рад је примљен 07. јула 2012. а прихваћен за штампу на састанку Редакције 28. септембра 2012. године.